

Проект "МИР-2050": <http://mir2050.narod.ru> выучи итальянский самостоятельно: советы, разговорники, грамматика...

АУДИО-КНИГА на ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ ГАБРИЭЛЭ Д'АННУЦИО.

Отрывок из книги "ЦЕЛИНА"

Отрывок текста и звуковой файл 12 минут взяты с сайта

<http://www.ilnarratore.com/anthology/catalogue/catalogue.html#111>

ЧЕРЕЗ САЙТ ВЫ МОЖЕТЕ КУПИТЬ ВЕСЬ CD-ДИСК С КНИГОЙ

СЛУШАЙ ЭТУ КНИГУ, А ЗАТЕМ ЧИТАЙ ЕЁ !

СПРАВА СТОИТ НЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД, А ПОДСКАЗКА, КАК ДОСЛОВНО ПЕРЕВОДЯТСЯ СЛОВА.

... Компьютерный перевод помогает не ползть за переводом каждого слова в медленный словарь.

<p>GABRIELE D'ANNUNZIO</p> <p>Frammento dal libro "TERRA VERGINE"</p> <p>(оригинальный текст с сайта: http://www.ilnarratore.com/anthology/catalogue/catalogue.html#</p>	<p>ГАБРИЭЛЭ Д'АННУЦИО.</p> <p>Отрывок из книги "ЦЕЛИНА"</p> <p>(перевод компьютерным переводчиком с сайта: http://www.translate.ru/text.asp?lang=ru</p>
<p>La strada si slanciava innanzi, sotto la rabbia del sole di luglio, bianca e vampante e soffocante di polvere tra le fratte arsicce piene di bacche rosse, fra i melagrani intristiti e qualche agave in tutto fiore.</p> <p>Il branco de' porci irrompendo per quella bianchezza sollevava nugoli enormi: Tulespre dietro, con la canna, su quell'accavallamento di dorsi nerastri da cui uscivano grugniti sordi e grufolii e lezzi aspri di carne riscaldata; Tulespre dietro, gittando urlacci dalla strozza secca, rosso in faccia e tutto in sudore; lozzo, un mastino chiazzato di nero, con tanto di lingua fuori, a testa bassa, gli zoppicava accanto. E andavano alle querce della Fara. I porci a saziarsi di ghiande. Tulespre a fare all'amore.</p> <p>Andavano. Lì da San Clemente Casauria c'era un mucchio di ciociari addormentati all'ombra degli archi di pietra; era un mucchio di corpi sfiniti: volti abbruciacchiati, gambe e braccia tatuate di turchino; russavano forte, e da quel carname vivo esalava un odore di selvaggina grossa. Al passaggio del branco, qualcuno si rizzò sui gomiti. lozzo fiutava; poi fermo sulle tre gambe comincio a latrare furiosamente: i porci si sbandavano di qua, di là, con grugniti acutissimi sotto i colpi di canna; i ciociari all'assalto improvviso balzarono in piè tra la paura, mentre la luce acuta li feriva negli occhi torpidi di sonno; e il polverone copriva tutto quel tumulto di bestie e d'uomini in faccia alla maestà della basilica gloriata dal sole.</p> <p>- Per Sant'Antonio! - mugghiava Tulespre affannandosi a riunire il branco, fra le imprecazioni rabbiose de' ciociari. - Anime dannate!</p> <p>E si mise in via, di corsa, tempestando con la canna, con</p>	<p>Дорога стремилась вперед, под яростью июльского солнца, белая и пламенеющая и задыхающаяся от пыли между изгородью из кустарника, полным красных ягод, между засохнувшими гранатовыми деревьями и несколькими агавами, полными цветов.</p> <p>Стадо свиней, разрывая эту белизну, поднимала огромные облака: Тулестре стоял сзади, с тростниковой палкой, на том скоплении получерных спин, из которого выходили глухие хрюкания и чавканье и жесткая вонь подогретого мяса; Тулестре сзади, гиттандо выкрики нас у сухого горла, красный в лице и всем в поту; Йодзо, пятнистый пес-сторожежик черного цвета, со многим языком снаружи, в низкой голове, нем хромал рядом. И они шли в дубы в Фара. Свиньи в лакомилась желудями. Тулестре хотел заниматься любовью.</p> <p>Они шли. Там у Святого Клементе Казаурия была группа крестьянок, спящих в тени каменных арок; это была куча обессиленных тел: опаленные контуры, ноги и татуированные руки тurchino; храпели сильный, и у того живого carname он выделял запах большой дичи. При переходе стада, кто-то поднялся на локтях. Йодзо нюхал; потом остановившийся на трех ногах я начинаюсь в latrare яростно: свиньи рассеивались здесь, там, с grugniti самые острые под ударами тростника; в штурм я импровизирую чочаро, что они подскочили в ріе между страхом, в то время как острый свет ранил их в оцепенелые глаза сна; и густая пыль покрывала все то волнение животными и людьми в лице в величие собора gloriata у солнца.</p> <p>- Ради Святого Антонио! - mugghiava Тулестре, стремясь, чтобы собирать толпу, между бешеными imprecazioni чочарские dè. - Проклятые Души!</p> <p>И он бросился по улице, бегом, бушуя с тростником, с камнями, к дубовой роще, которая зеленела в</p>

i sassi, verso il querceto che verdeggiava in distanza, ove c'erano le ghiande, e le ombre fitte e gli stornelli di Fiora.

Fiora cantava a squarciagola, seduta sotto una siepe di rovo, mentre le capre intorno brucavano arrampicandosi per rialto; cantava innanzi alle farnie gigantesche che si rizzavano su con la gran possa del tronco e allargavano le braccia fronzute, gremite di frutti, in quella gioia odorosa di aria e di luce. Il vento della montagna vi alitava entro: uno stormire ampio, un ondeggiare di frasche, un luccicare di ghiande correva per tutto quel popolo vegetale: sotto, le ombre rotte da occhiate vive di sole.

I porci si sparpagliavano rivoltandosi per quell'abbondanza, con grugniti di piacere; e Fiora cantava uno stornello di garofani; e Tulespre trafelato beveva il fresco, la canzone; e su quella sanità forte serena giovine di piante, di bestie, d'uomini, s'apriva il cielo oltremarato. Tulespre s'era immerso nell'umidore dell'erba che qua e là era ancora intatta: sentiva il sangue bollire, fermentare, come mosto vergine, dentro le vene.

A poco a poco in quel refrigerio l'arsura gli svampava dai pori; dai mucchi di fieno intorno vaporante gli saliva su per le narici calde una voluttà di profumo; in fondo all'erba udiva brulichii di insetti, provava sulla pelle, ne' capelli vellicamenti di corpuscoli strani; e il cuore gli palpitava al ritmo selvaggio dello stornello di Fiora...

Stette in ascolto. Poi si mise a strisciare sul terreno, come un giaguaro contro la preda.

-Ah! - gridò d'un tratto balzandole dinnanzi in piè, con uno scroscio di risa: tozzo, tutto muscoli, di pelo rossiccio, con due occhi sprizzanti salute coraggio amore.

La capraia non ebbe paura; fece con la bocca una smorfia di scherno, indescrivibile.

-O che ti credevi? - disse, sfidando.

-Niente.

E tacquero; e la Pescara mugghiava di lontano, dietro al rialto, nella profonda boscaglia, sotto la montagna nuda.

Ma Tulespre aveva tutta l'anima nelle pupille e le pupille fitte su quella superba femmina colore di rame.

- Canta! - ruppe finalmente con un fremito di passione nella voce.

Fiora si voltò, nel sorriso della bocca sanguigna mostrando le due file bianchissime dei denti mandorlati; e svelse una manata di erba fresca, e gliela gittò in faccia con un impeto di desiderio, come gli avrebbe gittato un bacio. Tulespre rabbrivì: sentì l'odore della femmina, più

distanciato, ma non lontano, e le ombre fitte e gli stornelli di Fiora.

Фьора пела во всю глотку, сидевшая под заграждением ежевики, в то время как козы вокруг объедали, карабкаясь для возвышенности; он пел перед гигантскими farnie, которые поднимались на с большой, смогли ствола и они разводили руками fronzute, вы наполняете плодов, в той душистой радости воздуха и света. Ветер горы там дышал внутри: широкий stormire, колебаться frasche, блеск желудей, бежал для всего того растительного народа: внизу, тени, сломанные живыми взглядами солнца.

Свиньи рассеивались, будучи перевернут тем изобилием, с grugniti того, чтобы нравиться; и Фьора пел stornello гвоздик; и запыхавшийся Тулестре пил свежего, песню; и на том сильном спокойном здравоохранении это будет полезен растений, животных, людей, открывалось небо oltremarato. Тулестре погрузился в umidore травы, которой здесь и там был он закрепляет нетронутая: он чувствовал кровь, кипеть, бродить, как mosto vergine, в венах.

Мало-помалу в том облегчении зной svampava с порами; у куч сена вокруг vaporante он поднимался ему на для горячих ноздрей по сладострастию продыма; в фонде в траву он слышал brulichii насекомых, испытывал на коже, пё волосы vellicamenti corpuscoli странные; и сердце он билось в дикий ритм stornello Фьора

Он был в выслушивании. Потом он был помещен в strisciare на земле, как ягуар против добычи.

- ah! - он кричал вдруг balzandole dinnanzi в piè, с шумом осмеянная: кусок черствого хлеба, совсем мускулы, красноватого волоса, с двумя брызгающими глазами здоровье мужество любовь.

Capraia не боялся; сделал со ртом smorfia издевательства, невыразимо.

- Или что ты верил тебе? - он сказал, бросая вызов.

- Ничто.

И они замолчали; и Pescara mugghiava далеко, сзади в возвышенность, в глубоком густом кустарнике, под ногой горой.

Но у Тулестре была вся душа в зрачках и густых зрачках на том высокомерном femmina цвет меди.

- Спой! - он сломался в конце концов с дрожью страсти в голосе.

Фьора повернулась, в улыбке кровавого рта, когда показывали два ряда bianchissime миндальные зубы; и svelse manata свежей травы, и она он gittò в лице с порывом желания, поскольку он был бы ему gittato поцелуй. Тулестре вздрогнул: он почувствовал женский запах, более острый, более опьяняющая, чем запах сена.

acuto, più inebriante che l'odore del fieno.

lozzo abbaiva avventandosi di qua, di là, aizzato dal padrone, contro i porci spersi.

Era il vespero, pieno di fumi caldi intorno alle vette: le fronde delle farnie prendevano luccichii metallici agli aliti languidi del rezzo; frotte di uccelli salvatici attraversavano in alto l'aria rossa perdendosi; e dalla parte delle cave di Manoppello giungevano buffi pregni di asfalto, a tratti: e a tratti giungeva anche la cantilena ultima della capraia là fra mezzo ai ginepri d'una bassura.

I porci strascicavano le pinguedini de ventri giù per la discesa tutta invermigliata di lupinella in fiore; Tulespre dietro, ricanticchiando lo stornello dei garofani, tendendo a volte l'orecchio se gli giungesse anche un palpito di voce femminile. Era silenzio; ma dal silenzio nascevano mille suoni indefinibili, ma le avemarie si propagavano di chiesa in chiesa con un ondeggiamento fievole di malinconia. E come gli alberi intorno fiorivano affluvi di donna per Tulespre innamorato!

Uscirono alla strada maestra: da' lati le fratte si addormentavano sotto la polvere, e un biancore dubbio stendevasi innanzi nella chiarezza plenilunare; dalla macchia scura del branco qualche grugnito sommesso, poi le peste monotone, monotono il cantilenare dei carrettieri, lo scampanella re delle alfane stanche, in quella immensa calma di frescura, di fragranza e di luce.

Ma il bosco fu traditore. Alla Fara quella mattina c'era un fischiotto di merli, un'allegria di frasceggiamenti, sotto il cielo tenero di turchesia ricamato dai fogliami; nelle goccioline della pioggia recente si rinfrangevano mille iridi vive.

Ed intorno, , in lontananza, dalle alture di Petranico agli oliveti di Tocco, la campagna selvaggia fumigava, riamata dal sole.

- O Fiora!- gridò Tulespre vedendola venire dietro le capre giù pel viottolo, tra due spalliere di melagrani, balda come una giovenca.

- Vo al fiume- rispose ella perdendosi con il branco nelle scorciatoie. E Tulespre udì i crepitii dei rami stroncati, i belati brevi nella discesa, le voci; poi uno sprazzo, uno squillo, uno zampillo di canto... Lasciò i porci al pascolo, e si cacciò per la china, là, come una belva in fregola.

Dall'umidità estuosa del terreno pullulava, scoppiava una forza giovine ed aspra di tronchi, di virgulti, di steli, simili a colonne di malachite, striscianti in basso, attorcigliantisi con spire di rettili, abbracciantisi in impeti di lotta per un'occhiata di sole.

Le orchidee gialle turchine vermiglie, i rosolacci

Йодзо лял, бросаясь здесь, там, натравленный у покровителя, против свиней spersi.

Это был vespero, запас горячих дымов вокруг верхушек: листва farnie брала luccichii металлические в слабое дыхание rezzo; frotte птиц спасись это, что они пересекали в высоком красный воздух, теряясь; и со стороны карьеров Manoppello они достигали комические переполненные асфальт, время от времени: и время от времени он достигал также последнюю монотонную песню sarraia там между способом в можжевелник bassura.

Свиньи strascicavano толщина de животы вниз для спуска каждый invermigliata lupinella в цветке; Тулестре сзади, когда stornello гвоздик повторно напевал, когда тянут иногда ухо, если бы он достиг ему также биение женского голоса. Это было молчание; но от молчания рождались тысяча неопределенных звуков, но avemarie распространялись церкви в церкви со слабым колебанием грусти., и поскольку деревья вокруг цвели affluvi женщины для влюбленного Тулестре!

Они вышли в дорогу учительница: он дает стороны fratte засыпали под порошком, и сомнительной белизной stendevasi впереди в chiarezza plenilunare; темного пятна толпы несколько смирных grugnito, потом монотонные следы, монотонный cantilenare возчиков, это долго звонит король усталых alfane, в том беспредельном спокойствии прохлады, аромата и света.

Но лес был предательским. В Fara то утро было fischiotto дроздов, весельем frasceggiamenti, под нежным небом turchesia вышитый ты даешь fogliami; в gocciole недавнего дождя rinfrangevano тысяча живых радуг.

И вокруг, в отдаленности, от возвышенностей Petranico до оливковых рощ Тоссо, дикой кампании fumigava, повторно любимый солнцем.

- О Фьора! - кричал Тулестре, видя, как, когда она приходила сзади коз вниз для узкого прохода, между двумя спинками гранатов, смелая как giovenca.

- Во в реку - ответила она, теряясь с толпой в кратчайших путях. И Тулестре услышал crepitii обломленных областей, кратких бляений в спуске, словах; потом sprazzo, звук, струя песни + Оставил свиньи пастбищу, и пробрался для склона, там, как зверь в fregola.

У влажности estuosa земли он кишел, разрознивал силу это будьте полезен и жесткая стволы, virgulti, стержней, сходных с колоннами из малахита, ползучих внизу, attorcigliantisi с истечением рептилий, abbracciantisi в порывах борьбы для взгляда солнца.

Желтые орхидеи ярко-красные turchine, кровавые дикие маки, золотые лютики покрывали крапинками весь тот

sanguigni, i ranuncoli aurei screziavano tutta quella vivente verzura avida di umore; le edere, i caprifogli si slanciavano tra fusto e fusto, si stringevano in volute inestricabili d'intorno alle scorze;

dai frutici chiusi le bacche pendevano a corimbi; ed era al vento una tempesta immensa, era come un respirare, un alenare di petti umani; e un effluvio agro di linfe si spandeva per l'ombre; e in mezzo a quel trionfo di vita vegetativa squillavano altre due giovinezze, fremevano altri amori, passavano Fiora e Tulespre inseguendosi a precipizio verso la Pescara.

Giunsero in fondo, per mezzo alle fratte, ai bronchi, alle ortiche, ai canneti, con le vesti lacere, con mani e piedi sanguinanti, con i polmoni dilatati, tutti in sudore: un buffo di pulviscolo acqueo li spruzzò d'improvviso.

Il fiume là innanzi si frangeva contro i massi in un nembo di schiuma, in un meraviglioso nembo di bianchezza e di freschezza, sotto l'aridità disperata della montagna battuta dal solleone; l'acqua irrompente si apriva mille vie a traverso la pietra, tumulava contro gli argini, spariva sotto a uno strato d'erbe secche facendolo palpitare come il ventre di un anfibio sommerso, riappariva gorgogliante fra i giunghi, tumultuava ancora.

Nelle rocce di sopra, a picco, non un filo di verde, non un lembo di ombra: erte, come solcate da arterie di argento, terribilmente belle ed ignude incontro al cielo.

Fiora si accostò avida e bevve. China sul greto, con il seno balzante, con la lingua all'acqua, nella curva della schiena e de' lombi rassomigliava a una pantera; Tulespre la involse tutta di uno sguardo torbido di libidine.

- Baciami!- e il desiderio gli strozzava la voce in gola.

- No.

- Baciami...

Le prese la testa fra le palme l'attirò a sé, e con gli occhi socchiusi stette a sentirsi correre per tutte le vene la voluttà di quella bocca umida premuta all'arida bocca sua.

- No- ripeté Fiora sguizzando indietro, passandosi la mano sulle labbra come per toglierne il bacio. Ma tremava più d'una vetrice, ma nella carne turgida pel calore della corsa aveva le prurigini, ma la lascivia c'era nell'aria, c'era nel sole, c'era negli odori.

Una testa nera di capra sbucò sopra tra il fogliame guradando con le miti iridi gialle quel groppo vivo di membra umane. E la Pescara cantava.

живое существо verzura алчная от настроения; плющи, жимолость бросались между стволом и стволом, были сжаты в неискоренимых завитках вокруг коры;

У кустарников, закрытых ягоды они висели в corimbi; и он был в ветра беспредельная буря, это было, как дыхание, alenare человеческих грудей; и терпкий аромат лимфы был потрачен тенями; и в середине в том триумфе вегетативной жизни звенели другие два типа молодости, дрожала другая любовь, происходили Фьора и Тулестре, преследуясь в пропасти к Пескаре.

Они пришли в фонде, для способа в fratte, в бронхи, в крапиву, в заросли тростника, с рваными одеждами, с руками и кровоточащими футами, с расширенными легкими, всеми в поту: комический водной мельчайшей пыли побрызгал ими импровизации.

Река там впереди frangeva против валунов в дождевой туче пены, в удивительной дождевой туче белизны и свежести, под безнадежной засухой горы, бившей летним зноем; вторгающаяся вода открывалась тысяча улиц в ширине камень, хоронила против плотин, исчезала внизу в слое сухих трав, заставляя это биться как живот затонувшего земноводного, снова появлялась булькающий между giunghi, шумела еще.

В скалах наверху, в пике, не нитке зеленого, не крае тени: крутые подъемы, как борозды с артериями из серебра, ужасно красивыми и ignude натыкаюся в небо.

Фьора приблизилась жадная и выпила. Он наклоняет на отмени, с подскакивающим лоном, с языком в воду, в кривой спины и de' oгузки rassomigliava в пантере; Тулестре involse совсем мутного взгляда libidine.

- Поцелуй меня! - и желание душило ему голос в горле.

- Нет.

- Поцелуй меня

Она взяла голову между пальцами это привлекла в себе, и с прикрытыми глазами он был когда чувствоваться пробегать для всех вен сладострастие того влажного рта, нажатого сыпучему его рту.

- Нет - повторила Фьора sguizzando назад, когда рука проходила на губах как чтобы отнять поцелуй этого. Но дрожал более одного vetrice, но во вспухшем мясе за тепло бега он принимал prurigini, но lascivia был в воздухе, она была в солнце, она была в запахах.

Черная голова козы высунулась наверху между листвою guradando с мягкими желтыми радугами тот живой groppo membra человеческие. И Пескара пела.